

Рудольф Тирбах
**Пелена.
Прореха**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рудольф Тирбах

Пелена. Прореха

<https://litres.ru/74409078>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, человеку нельзя увидеть Навь.

Для этого существует Пелена — древняя граница между миром живых и тем, что находится за пределами привычной реальности. Она скрывает то, чему не должно быть места в человеческом сознании.

Но Пелена истончается. Пятнадцать лет психиатр Павел Орлов лечил людей, которые видели то, чего не существует.

Голоса мёртвых. Странные совпадения. Незнакомые места во сне. Ощущение, что за привычной реальностью скрывается что-то ещё.

Пока один из его знакомых не приносит ему доказательства существования Пелены — границы между Явью и Навью.

Вскоре его сын начинает видеть сны, в которых появляются вещи, которых он никак не мог знать.

Герой все глубже погружается в тайну, и сильнее рушится граница между болезнью и откровением.

Ведь некоторые люди действительно видят то, чего нет.

А некоторые — то, что есть на самом деле.

Мистический Петербург, славянские архетипы, древние силы
и тревожная игра с самой природой реальности.

Пелена истончается.

И скоро она порвётся.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Рудольф Тирбах Пелена. Прореха

Глава 1

В Петербурге не бывает просто дождя. Это всегда нечто большее: агрегатное состояние души города, способ коммуникации неба с асфальтом или, как сегодня, — наказание за грехи, которые никто еще не успел совершить.

Павел Орлов стоял у окна своего кабинета на 6 этаже бизнес-центра на Петроградской стороне. Стекло вибрировало, принимая на себя удары шквалистого ветра. Внизу, в серой мути Большого проспекта, ползли машины — красные и белые огни стоп-сигналов расплывались в мокром мареве, превращаясь в гирлянды для депрессивной новогодней елки.

На часах было 19:40. Время, когда «нормальные» люди уже едут домой, к теплым ужинам и сериалам, а «успешные психиатры» допивают третий за день холодный эспрессо и готовятся слушать очередного пациента.

Сегодня был вторник — день, когда частная практика забирала у Павла последние силы, оставшиеся после государственной клиники. С девяти до трех он был врачом системы: бланки, отчёты, десять минут на пациента, если повезет — пятнадцать. С четырех до девяти он становился врачом

себя самого — тем, кем хотел быть, когда поступал в институт. Разница была не только в гонораре. В частном кабинете можно было позволить себе роскошь слушать паузы.

Виктор был последним на сегодня. И единственным, ради кого Павел вообще согласился задержаться после восьми.

Кофемашина в углу кабинета издала предсмертный хрип и замолчала. Павел вздохнул, вернулся к столу и посмотрел на пациента.

Виктор Лебедев сидел в кресле так, словно его позвоночник заменили на стальной прут. Идеальная осанка, дорогие, но помятые брюки, руки сложены на коленях в замок. Побелевшие костяшки пальцев выдавали напряжение, способное в любой момент разорвать человека изнутри.

Павел знал Виктора десять лет. Блестящий нейропсихолог, автор монографии по когнитивным искажениям, человек, который цитировал Выготского и Лурию с той же легкостью, с какой другие травят анекдоты. Сейчас перед Павлом сидела тень этого человека.

— Ты не записываешь, Паша, — тихо сказал Лебедев. Его голос был сухим, лишенным интонаций, будто он диктовал протокол вскрытия. — Почему ты не записываешь?

— Потому что я слушаю, Витя. — Павел крутил в пальцах дорогую перьевую ручку — подарок бывшей жены на тридцатипятилетие. — Ты говоришь о фильтрах восприятия. Это твоя тема, ты на ней собаку съел. Мозг блокирует девяносто процентов входящей информации, чтобы сознание не за-

хлебнулось. Это база. Первый курс.

— Не блокирует, — Лебедев дернул щекой. Нервный тик. Плохой знак. — Он фильтрует. Есть разница. Блокировка — это стена. Фильтр — это мембрана. Пелена.

— Хорошо, Пелена, — Павел кивнул, соглашаясь с терминологией. С такими, как Виктор сейчас, нельзя спорить в лоб, их нужно мягко выводить на свет логики. — Допустим. И что с ней не так?

Лебедев подался вперед. В полумраке кабинета, освещенного только настольной лампой и отсветами уличной рекламы, его глаза казались черными провалами.

— Она истончилась, Паша. Мы перегрузили сеть. Информационный шум, постоянный онлайн, миллионы связей, которых не должно быть у примата, рассчитанного на стаю в пятьдесят особей. Пелена не справляется. Она трещит. И сквозь трещины лезет то, что было здесь до нас.

— И что же лезет? — Павел незаметно подвинул к себе бланк рецепта.

— Навь, — выдохнул Лебедев.

Слово упало в тишину кабинета тяжело, как булыжник в болотную топь. Павел поморщился. Он ожидал чего угодно: инопланетян, масонов, спецслужбы, излучения 5G. Но фольклор?

— Навь, — повторил Павел без эмоций. — Мир мертвых в славянской мифологии. Витя, серьезно? У тебя грант горит, кафедра давит, развод полгода назад. Ты просто вымотан до

предела. Когда ты спал в последний раз?

— Сон — это окно, — Лебедев проигнорировал вопрос. Он начал расстегивать пуговицу пиджака, движения были дергаными, неточными. — Когда ты спишь, Пелена становится тоньше. Ты видишь их. Ты называешь это кошмарами, архетипами, работой подсознания. Мы придумали кучу слов, чтобы не бояться. «Проекция», «гештальт», «символ». Но это не символы, Паша. Это соседи.

Павел отложил ручку. Что-то в нём сработало раньше, чем он успел подумать — быстрее, чем скепсис, быстрее, чем усталость.

— Витя. Ты думаешь о том, чтобы что-нибудь с собой сделать?

Пауза растянулась ровно настолько, чтобы стать неприличной. Лебедев смотрел не на него, а сквозь него — будто взвешивал вопрос на весах, не имеющих ничего общего с «да» и «нет».

— Сделать — это когда что-то ломается, — сказал он наконец. — Я не собираюсь ломаться, Паша. Я собираюсь... истончиться.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ, который у меня есть.

Павел хотел спросить дальше — как именно, когда, — но Виктор снова заговорил раньше, чем он успел. И это промедление — он поймёт это только через несколько часов — будет потом стоять ему многих бессонных ночей.

Павел быстро написал несколько строк на бланке рецепта — что-то, чтобы снять тревогу, что-то, чтобы наконец нормально заснуть.

— Витя, послушай меня как друга и как врача. Тебе нужно выключить голову. На двое суток. Я сделаю тебе больничный. Ты ложишься в клинику неврозов, я договорюсь с заведующим, тебя положат в отдельную палату, без лишних вопросов. Прокапаем сосуды, поспишь.

Лебедев замер. Его рука застыла во внутреннем кармане пиджака. Затем он медленно, очень медленно вытащил черный блокнот. Обычный «Молескин», потрепанный, с перетянутой резинкой.

— Ты не веришь, — констатировал он. В голосе не было обиды, только усталое понимание. — Я тоже не верил. Я искал опухоль. Делал МРТ трижды. Думал, голова шалит. Но ничего не нашли. Есть только шепот.

Он положил блокнот на край стола Павла. Черная обложка маслянисто блеснула в свете лампы.

— Что это? — спросил Павел.

— Карты. Схемы. Топография того, что под асфальтом. — Лебедев встал. Теперь, выпрямившись во весь рост, он казался пугающе огромным в этом тесном кабинете. — Я больше не могу это держать. Они приходят ко мне каждую ночь. Древние. Они не злые, Паша, это важно понять. Они просто... фундаментальные. Как гравитация. Гравитации плевать, если ты упадешь с крыши.

— Витя, сядь! — Павел повысил голос, включая «командный тон».

Рука сама потянулась к телефону на столе — один звонок вниз, и через десять минут его увезут в клинику двумя этажами ниже. Но зацепиться было не за что: Виктор не угрожал никому, говорил связно, понимал, где находится и какой сегодня день. Со стороны — просто человек в тяжёлом кризисе, не больше. Тащить старого друга силой, опираясь на интуицию и мурашки по спине, было бы не помощью, а актом отчаяния. Павел убрал руку с телефона.

Но Лебедев уже шел к двери. Его походка изменилась. Если пять минут назад он был сломанным интеллигентом, то теперь двигался с какой-то звериной, текучей плавностью.

— Я оставляю это тебе, — он кивнул на блокнот, не оборачиваясь. — Ты скептик. У тебя броня толстая. Пелена на тебе держится крепко, как цемент. Может, ты успеешь разобратся до того, как она рухнет окончательно.

— Виктор! Если ты сейчас уйдешь, я буду вынужден звонить в скорую.

Лебедев остановился у двери. Повернул голову. На секунду Павлу показалось, что лицо коллеги поплыло, словно отражение в воде, в которое бросили камень. Черты исказились, стали резче, древнее, глаза сверкнули болотной зеленью.

— Не звони, — мягко сказал Виктор. — Им не нужны врачи. Им нужны проводники. Прощай, Паша. Береги сына.

Дверь тихо щелкнула.

Павел остался один.

Секунду он сидел неподвижно, слушая, как бешено колотится сердце. Потом вскочил, подбежал к двери, рванул ее на себя.

Коридор бизнес-центра был пуст. Длинная кишка с серым ковролином и рядами одинаковых офисных дверей. Лампы дневного света гудели, одна из них, в дальнем конце, нервно мигала.

Павел прошел до лифтового холла — никого. Заглянул за угол, к пожарной лестнице: дверь, обычно запертая на доводчик, была приоткрыта на ладонь, и из щели тянуло сырым бетонным холодом, будто там давно никто не ходил. Он толкнул её, крикнул «Виктор!» в гулкую бетонную шахту — ответило только эхо собственного голоса, глупое и заискивающее. Постучал в соседний кабинет — массажный салон, закрыт с семи. Постучал в кабинет напротив — темно, тишина.

— Черт, — выругался Павел.

Он вернулся к столу, схватил телефон. Набрал номер Виктора. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Конечно.

Павел рухнул в кресло. Ему хотелось курить, хотя он бросил пять лет назад. Рука сама потянулась к нижнему ящику стола, где лежала пачка «на черный день», но остановилась

на полпути.

Взгляд уперся в черный блокнот.

Он лежал на полированной столешнице чужеродным предметом. Казалось, он поглощает свет. Павел ощутил иррациональное, липкое желание не прикасаться к нему. Смахнуть в урну линейкой, не касаясь кожи.

«Слишком глубоко влез в чужие фантазии, — подумал он. — Устал, вот и мерещится. Просто блокнот больного человека».

Он протянул руку и коснулся обложки.

Кожа была теплой. Не нагретой от тела, а теплой изнутри, как бок спящего животного. И она едва заметно вибрировала.

Павел отдернул руку, словно обжегшись.

— Так, — сказал он вслух. Звук собственного голоса немного привел его в чувство. — Переутомление. Просто нужно поесть.

Он заставил себя взять блокнот — быстро, решительно, как берут грязную повязку, — и сунул его в портфель. Потом собрал бумаги, выключил компьютер и погасил свет.

В темноте кабинета окно превратилось в огромный экран, транслирующий хаос. Дождь усилился. Теперь это была стена воды, отрезающая Павла от остального мира.

Он уже взялся за ручку двери, когда телефон в кармане завибрировал, заставив его вздрогнуть.

Звонила Ирина.

Павел выдохнул. Бывшая жена. Островок стабильности. Женщина, которая живет в мире понятных вещей: квартальных отчетов, школьных собраний и планов на отпуск.

— Да, Ир? — он постарался, чтобы голос звучал бодро.
— Я уже выхожу.

— Паш... — Голос Ирины дрожал. Это было так на нее не похоже, что у Павла внутри всё похолодело. — Паш, ты можешь приехать? Срочно.

— Что с Димой? — Он сразу понял, что дело в сыне.

— Он... я не знаю. Мы с Сашей не понимаем. Он закрылся в комнате, выключил свет. Он говорит с кем-то, Паш.

— По телефону? Играет в сети?

— Нет. — Ирина помолчала, и в трубке было слышно, как она судорожно вдыхает воздух. — Там никого нет. Но он отвечает. И голос... это не его голос, Паша. Он говорит странные вещи. Про корни. Про какую-то Пелену.

Павел замер. Слово ударило его под дых точнее, чем боксерская перчатка.

Пелена.

Пять минут назад это слово произнес обезумевший старый друг в этом самом кабинете. Теперь его повторяет шестнадцатилетний подросток на другом конце города.

Совпадение? Он давно перестал верить в совпадения. Он верил в закономерности и эпидемии.

— Я еду, — бросил Павел. — Ничего не делайте. Не входите к нему. И главное — не слушайте, что он говорит. Про-

сто ждите меня.

Он выбежал из кабинета, не запирая дверь на второй оборот.

Лифт ехал вниз мучительно долго. Зеркальные стены кабины отражали усталого мужчину в дорогом пальто, с портфелем, в котором лежал теплый, живой блокнот. Мужчину, который всю жизнь строил стены между безумием и нормой.

Внизу, в холле, охранник — вечный дядя Миша с кроссвордом — поднял голову.

— Погодка шепчет, Павел Сергеевич? — усмехнулся он.

— Орет, Михаил, — буркнул Орлов, толкая тяжелую входную дверь, но остановился на полушаге. — Слушай. Виктор Игоревич, из четыреста двенадцатого, минут пятнадцать назад вышел от меня. Ты его видел?

Дядя Миша отложил кроссворд, посмотрел на монитор с камерами — четыре серых прямоугольника, лестница, лифтовой холл, вход, парковка.

— Не, — сказал он не сразу, будто сам удивился ответу. — Через главный не проходил, я тут весь вечер сижу, кроме вас никто не спускался. Может, через паркинг? Там своя дверь, у арендаторов ключи есть.

— У него был ключ от паркинга?

— А я почему знаю. — Дядя Миша пожал плечами, снова уткнулся в кроссворд, явно теряя интерес к вопросу. — Может, по лестнице спустился и через технический вышел. Мало ли.

Технический выход был заперт снаружи с апреля, Павел знал это точно — сам когда-то оставлял там машину и упирался в амбарный замок. Но говорить об этом дяде Мише не было смысла. Он кивнул, будто ответ его устроил, и вышел под дождь.

Ветер ударил в лицо мокрой тряпкой. Петербург встретил его не как родного, а как чужака, зашедшего на запретную территорию. Улицы казались темнее обычного. Тени от фонарей ложились неправильно, слишком густо, скрывая в переулках что-то, что не хотелось видеть.

Павел сел в машину, бросил портфель на соседнее сиденье. Ему на мгновение показалось, что из портфеля донесся тихий, скрипучий вздох.

— К черту, — сказал он, поворачивая ключ зажигания. — Всё к черту.

Двигатель отозвался ровным гулом. Явь, привычная, механическая Явь еще работала. Но Павел, выруливая на проспект, чувствовал спиной: это ненадолго. Где-то в фундаменте мира пошла трещина, и сегодня вечером он в нее заглянет.

Дворники размазывали воду по стеклу в надрывном, неровном ритме. Радио само включилось на середине фразы — старая песня, из тех, что крутят по ночам, когда диджей уже не выбирает, а просто нажимает «play» на плейлисте и уходит курить. Павел не помнил, чтобы включал радио. Он потянулся выключить — и передумал: тишина в машине сейчас казалась хуже любого шума.

Он гнал по набережной, мимо мокрых гранитных парапетов, мимо Невы, которая в такую погоду переставала быть рекой и становилась просто черной движущейся массой без начала и конца. Мысли метались короткими, рваными вспышками: Виктор десять лет назад, на защите диссертации, в мятом костюме, счастливый, немного пьяный, обнимающий Павла со словами «ты единственный, кто понял мою тему с первого раза». Виктор пять лет назад, разведенный, похудевший, но все еще собранный. Виктор сегодня — с побелевшими костяшками и глазами цвета болотной тины.

«Береги сына». Он так и сказал. Не «пока», не «извини за спектакль» — «береги сына». Откуда Виктор вообще знал, что у Ирины с Димой сегодня что-то не так? Он не мог знать. Это было физически невозможно.

Если только слово «Пелена» не было именем чего-то одного — общего, разлитого по всему городу этим вечером, а не двух отдельных совпадений.

Павел свернул на Каменноостровский, проскочил на желтый, и в зеркале заднего вида ему на секунду почудилось, что задние фары идущей следом машины вытянулись в два неровных пятна — слишком высоко, слишком далеко друг от друга, будто у машины, а не глаз. Он моргнул. Фары как фары. Он не спал нормально почти неделю, три вечерних приема подряд, доклад для конференции, который так и не дописал.

Он припарковался у знакомого дома на два двора раньше,

чем обычно паркуется, — не рассчитал в темноте, — и остаток пути прошел пешком, под дождем, не открывая зонт, потому что забыл его в машине и не хотел возвращаться. Мокрые волосы, мокрый воротник, портфель, прижатый к груди, как будто внутри было что-то, что могло выскользнуть и убежать.

Парадная встретила его знакомым кодовым замком, который Ирина так и не поменяла после развода — то ли по забывчивости, то ли из какого-то упрямого нежелания вычеркивать его окончательно. Павел набрал код почти не глядя, пальцы помнили сами.

На третьем этаже, у двери их — её — квартиры, он на секунду остановился, чтобы отдышаться и придать лицу подобающее спокойствие. За дверью было тихо. Слишком тихо для квартиры, где шестнадцатилетний подросток якобы разговаривает неизвестно с кем.

А потом он услышал это — сквозь дверь, сквозь гул крови в ушах, сквозь шум дождя за спиной.

Голос. Низкий, мерный, совсем не похожий на ломкий баритон Димы. Он что-то говорил — ровно, без пауз, как читают на память давно заученный текст. И Павлу, вымокшему до нитки на лестничной клетке чужого — своего бывшего — дома, показалось, что он различает одно повторяющееся слово.

Корни.

Он поднял руку и позвонил в дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.